

Перед мальчиком, сидевшим напротив, застыл Мо Ханьчжоу. Помолчав довольно долго, он наконец спросил:

— С чего ты взял, что всё именно так?

Лу Цяо пересказал ему историю с картиной, которую прислал Юэ Илинъ.

Мо Ханьчжоу заметил:

— Это, конечно, подозрительно, но...

— Господин, ну как вы можете быть таким наивным! — возмущённо воскликнул Лу Цяо.

Наивный Мо Ханьчжоу промолчал.

— Только подумайте: если бы я ему не нравился, зачем бы он появился именно в тот момент, когда я попал в беду? Мне кажется, он спас меня только потому, что я ему приглянулся, а значит, он следил за мной!

Мо Ханьчжоу мысленно выругался: чёрт, а ведь аргументы железные. Он был убеждён.

С видом человека, которого внезапно осенило, Мо Ханьчжоу воскликнул:

— Вот оно что! Теперь всё встало на свои места!

— Правда ведь? — спросил Лу Цяо.

— Истинная правда!

Посоветовавшись, они пришли к единому мнению: Юэ Илинъ влюбился в Лу Цяо.

— Но мне придётся его разочаровать. Моё сердце уже принадлежит вам, господин, и я не могу отдать его кому-то другому, — с самым серьёзным видом заявил Лу Цяо, свято блюдя супружескую верность.

Мо Ханьчжоу изобразил крайнюю степень негодования, едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться:

— Как он вообще посмел в тебя влюбиться? Ты — мой супруг. Его чувства — это оскорбление не только для меня, но и для тебя самого.

— Господин, — Лу Цяо с тревогой заглянул ему в глаза, — вы не сердитесь?

— Ну что ты, как я могу? — с глубокой нежностью ответил Мо Ханьчжоу. — Твоё обаяние — не твоя вина. Быть объектом симпатии — твой врождённый дар, такой же, как твоя красота и доброта. Если я люблю тебя, я должен любить в тебе всё, включая тот факт, что ты так легко нравишься людям.

Лу Цяо был в восторге: и ведь прав, как же прав! Как же этот мужчина умеет подбирать слова!

Они ещё немного посидели, наслаждаясь взаимным пониманием и духовной близостью. Спустя некоторое время Лу Цяо снова нахмурился:

— Но что же мне теперь делать? Я не хочу, чтобы Юэ Илинь питал на мой счёт ложные надежды. Как мне его отвергнуть?

Мо Ханьчжоу ласково погладил расстроенного мальчика по голове. В его глазах блеснул хитрый огонёк, и он тихо произнёс с лёгкой усмешкой:

— На этот счёт у меня есть одна идея.

После того как Юэ Илинь отправил картину, Лу Цяо хранил молчание. Но отсутствие ответа — тоже ответ. Раз картину не вернули, значит, шансы есть.

Юэ Илинь провёл немало времени в объятиях красавиц, но должен был признать: человек Мо Ханьчжоу — совсем другое дело. Тем более что тот был его законным супругом.

Юэ Илинь несколько дней пребывал в прекрасном расположении духа. На выходных в отеле Шэнда намечался благотворительный аукцион, и, по слухам, Мо Ханьчжоу собирался его посетить. На торгах не было ничего, что могло бы заинтересовать такого человека, да и Мо Ханьчжоу уже несколько лет не появлялся на подобных мероприятиях. Очевидно, он решил выйти в свет, чтобы вывести в общество своего супруга.

Предвкушая встречу с ним — или, вернее, с ними обоими — Юэ Илинь невольно улыбнулся.

Время пролетело незаметно. В три часа дня в субботу Юэ Илинь прибыл на место. Аукцион организовал известный в городе филантроп, господин Чэнь, вместе с супругой, чтобы собрать средства на лечение нуждающихся детей. Господин Чэнь был мудрым человеком: помимо собственных пожертвований, он не стеснялся использовать свой авторитет, чтобы вытянуть деньги из богачей, которые, может, и не горели желанием заниматься благотворительностью, но были не прочь купить себе доброе имя.

В зале собрались все сливки общества Пинчэна. Юэ Илинь обменивался любезностями со знакомыми, когда вдалеке заметил Мо Ханьчжоу. Тот был окружён людьми, его рука, лежащая на подлокотнике инвалидного кресла, казалось, была переплетена с рукой супруга. Мо Ханьчжоу держался уверенно и невозмутимо.

Заметив, что взгляд Мо Ханьчжоу обратился в его сторону, Юэ Илинь приветливо приподнял бокал. Мо Ханьчжоу тут же отвернулся.

Вскоре аукцион начался. Действительно, ничего выдающегося на торгах не было — в основном памятные вещи. Юэ Илинь наблюдал за Мо Ханьчжоу. Тот пока не делал ставок, лишь изредка наклонялся к сидящему рядом статному юноше, чтобы что-то прошептать.

Ближе к концу торгов на сцене появилась печать из тяньхуанского камня. Тёплая, нежная, полупрозрачная, она отливала насыщенным золотистым цветом, что говорило о высоком качестве материала. Согласно описанию, это была реликвия одного из сановников эпохи Цин, сменившая немало владельцев, которую безвозмездно предоставил друг господина Чэня.

Глаза юноши рядом с Мо Ханьчжоу загорелись. Он что-то сказал на ухо мужчине, и тот кивнул.

Стартовая цена составляла триста тысяч. После того как третий участник предложил триста восемьдесят тысяч, Мо Ханьчжоу наконец подал знак помощнику:

— Пятьсот тысяч.

Аукционист на сцене улыбнулся:

— Пятьсот тысяч раз, пятьсот тысяч два...

Юэ Илинь поднял табличку:

— Шестьсот тысяч.

Они сидели не рядом, но в одном ряду. Мо Ханьчжоу слегка повернул голову в его сторону.

Снова ставка:

— Шестьсот пятьдесят тысяч.

— Семьсот тысяч.

— Семьсот пятьдесят тысяч.

— Восемьсот тысяч.

Мо Ханьчжоу и Юэ Илинь были непримиримыми конкурентами в бизнесе, и о том, сколько раз они сталкивались в открытых и тайных противостояниях, ходили легенды. Стоило им вступить в игру, как остальные поняли: сейчас начнётся битва, и поспешили опустить таблички, чтобы просто понаблюдать за шоу.

Мо Ханьчжоу едва заметно улыбнулся, и помощник снова поднял табличку:

— Миллион.

Сидевший рядом сорокалетний мужчина прошептал:

— Господин Мо, если продолжите, это станет убыточным. Оно того не стоит.

Мо Ханьчжоу, лицо которого сияло довольством, ответил:

— Ничего страшного, супругу нравится.

Мужчина не преминул восхититься. Вероятно, завтра весь Пинчэн будет судачить о том, как президент Корпорации Мо не пожалел целого состояния, чтобы вызвать улыбку на лице возлюбленного.

Юэ Илинь прищурился и медленно поднял табличку:

— Миллион пятьсот тысяч.

— Господин, — тихо сказал Лу Цяо, в чьих глазах читалась тревога, — может, хватит?

Мо Ханьчжоу нежно улыбнулся ему и кивнул помощнику:

— Два миллиона.

Цена превысила рыночную в десять раз. На этот раз Юэ Илинь не стал поднимать табличку, решив проявить великодушие.

После этого эпизода торги пошли своим чередом: Юэ Илинь приобрёл вазу эпохи Мин, а Мо Ханьчжоу — корону, привезённую из-за океана.

Когда аукцион закончился, люди начали расходиться. Юэ Илинь элегантно поднялся и направился к Мо Ханьчжоу.

— Господин Мо, — он остановился перед ним.

Мо Ханьчжоу, беседовавший с одним из директоров, развернул кресло. Несмотря на недуг, он держался с достоинством человека из знатного рода, и даже рядом с Юэ Илинем, который был выше него на полголовы, он ничуть не терял в величии. Окружающие невольно замедлили шаг.

Юэ Илинь заговорил первым:

— Господин Мо, какая щедрость. Полагаю, в этом году Корпорацию Мо ждёт небывалая прибыль.

— Прошу прощения, господин Юэ. Просто А-Цяо это понравилось, а я могу отказать себе в чём угодно, но не ему. Надеюсь на понимание.

— Разумеется, разумеется. Подарки для супруги деньгами не измерить. Раз так, то я, как человек благородный, не буду отнимать у вас желаемое.

В этот момент Лу Цяо, который до этого молчал, словно предмет интерьера, внезапно подал голос:

— Господин Юэ, вы так хотели эту печать?

Юэ Илинь опешил, но тут же улыбнулся:

— Конечно. Было бы замечательно её получить.

Лу Цяо прикусил губу и посмотрел на Мо Ханьчжоу:

— Господин, может, всё-таки уступим печать господину Юэ?

Как только эти слова прозвучали, не только Юэ Илинь, но и все вокруг замерли в изумлении.

Мо Ханьчжоу спросил:

— Почему?

— Потому что... — мальчик замялся, но всё же произнёс: — Господин Юэ тоже дарил мне подарки.

Толпа затаила дыхание.

Что? Они ослышались или супруг Мо Ханьчжоу сказал что-то не то? Почему это звучит так странно?

Лу Цяо, по-прежнему выглядящий невинным ребёнком, опустил глаза. Его голос звучал чисто и простодушно:

— Недавно господин Юэ спас меня по дороге в галерею, а потом подарил картину мастера Чжу Гэюня стоимостью в сотни миллионов. По сравнению с ней, что значит эта маленькая печать? Господин, давайте подарим её господину Юэ, хорошо?

Мо Ханьчжоу долго молчал, прежде чем прийти в себя. Он посмотрел на Юэ Илиня, и в его взгляде читался глубокий смысл:

— Оказывается, вот как оно было. Господин Юэ, вы так старались.

Пока Лу Цяо говорил, выражения лиц окружающих менялись одно за другим. Люди здесь собрались неглупые. В кругах богачей скандалы с жёнами братьев, сыновей или друзей были обычным делом. Но выходки Юэ Илиня были слишком мелкими для искушённых стариков.

Взгляды, устремлённые на Юэ Илиня, изменились. Тот не ожидал, что Лу Цяо при всех расскажет о картине, и почувствовал себя крайне неловко.

Мо Ханьчжоу взял себя в руки:

— Раз уж так сложилось, давайте подарим печать господину Юэ. Хотя она и не сравнится с картиной мастера Чжу, это всё же знак внимания.

Он поднял взгляд на Юэ Илиня и многозначительно добавил:

— Прекрасные вещи всегда вызывают желание обладать ими, и в этом нет ничего предосудительного. Но человек остаётся человеком, пока знает, что такое честь и достоинство, и умеет уступать. Эта печать — безделушка, раз она вам так приглянулась, господин Юэ, я дарю её вам.

Юэ Илинь, которого так изящно, без единого грубого слова, унизили на глазах у всех, почернел от ярости. Сквозь зубы он процедил:

— Что ж, благодарю господина Мо за щедрость.

— Не стоит, это мелочь. В конце концов, то, что мне действительно дорого, я никому не отдам.

Каждое слово было как удар хлыста. Вокруг зашептались, и этот гул стал невыносимым. Юэ Илинй не выдержал:

— Господин Мо, кажется, вы что-то не так поняли. У нас с вашим супругом просто совпали интересы, я лишь пригласил его вместе полюбоваться живописью.

— Как я мог понять что-то не так? Конечно, у вас были только добрые намерения. Я лишь восхищаюсь вашим размахом, господин Юэ. Подарить картину стоимостью в сотни миллионов ради дружбы с ценителем искусства — это достойно уважения. Видимо, это я слишком ограниченный человек.

Юэ Илинй открыл рот, но не нашёл слов. Любое оправдание лишь усугубляло ситуацию. Понимая, что оставаться здесь — значит стать посмешищем, он в ярости покинул зал. Мо Ханьчжоу, казалось, тоже потерял интерес и вскоре уехал, оставив город обсуждать скандальные слухи о двух самых завидных женихах Пинчэна.

В машине выражение лица Лу Цяо мгновенно сменилось с невинного на лукавое. Он прильнул к Мо Ханьчжоу и с восторгом спросил:

— Господин, я хорошо справился?

Мо Ханьчжоу ответил:

— Просто великолепно!

— Правда?

Лу Цяо просиял. Похвалив себя, он вздохнул:

— Не думал, что Юэ Илинй такой человек. Посягнуть на жену своего делового партнёра — это просто низость. Господин, вам нужно быть осторожнее.

Мо Ханьчжоу, глядя в его полные тревоги глаза, изо всех сил сдерживал смех и с серьёзным видом ответил:

— И тебе, А-Цяо, тоже нужно быть осторожнее. Больше не встречайся с ним наедине.

— Не буду, не буду. Ни наедине, ни вообще.

— Хорошо, умница.

Лу Цяо, очернив Юэ Илинй, почувствовал облегчение. Он не забыл, как тот привёл на свадьбу того самого человека.

Мо Ханьчжоу тоже был доволен. Лу Цяо хоть и был смыслёным, но всё же оставался слишком наивным. А тут Юэ Илинй сам подставился — теперь и напоминать А-Цяо ни о чём не нужно.

Оба были счастливы. Лишь один человек оказался в аду, но это было неважно.

Вернувшись, Юэ Илинй был в ярости. В тот день на аукционе он стал мишенью для косых

взглядов. Перед уходом один уважаемый в деловых кругах старик похлопал его по плечу и с тяжёлым вздохом сказал:

— Илинъ, мы видим ваше соперничество с Ханьчжоу. Соревнование в бизнесе — это хорошо, это движет прогресс. Но вне бизнеса вы всё же друзья. А между друзьями есть границы, которые переступать нельзя.

Юэ Илинъ вспомнил, с каким презрением смотрели на него окружающие — казалось, они готовы были растерзать его за ту картину. Никогда в жизни он не испытывал такого унижения.

Следующие несколько дней он провёл между домом и офисом, избегая любых встреч. Но судьба не сжалилась над ним. В тот день, когда он разбирал бумаги в кабинете, ворвалась женщина.

— Юэ Илинъ!

Женщина на шестисантиметровых каблуках, властная, как королева, увидев его, сверкнула глазами. Она подошла к столу и, взмахнув сумочкой, с силой ударила его по лицу.

— Юэ Илинъ, ты мерзавец!

У Юэ Илинъ вспыхнула левая щека, в глазах мелькнул гнев, но он был вынужден встать и заговорить примирительным тоном:

— Цяньцянъ, что случилось?

— Ты ещё спрашиваешь?!

Линь Юйцянъ достала из кармана пальто несколько фотографий и швырнула их в него.

— Посмотри сам! Не смей отрицать то, что натворил!

Юэ Илинъ взял снимки, и его охватило отвращение. На фото была беременная женщина, на некоторых кадрах мелькал сам Юэ Илинъ.

Он поспешно начал:

— Цяньцянъ, послушай, я объясню...

— Плевать я хотела на твои объяснения! Ты говорил, что слухи о том, что ты клеишься к жене Мо Ханьчжоу — ложь и сплетни. А это? Тоже будешь отрицать? Ты, чёрт возьми, объясни мне: если этот ребёнок не от тебя, то зачем ты снимаешь ей квартиру, нанимаешь нянь и телохранителей? Или это ребёнок твоего покойного брата?!

— Цяньцянъ...

Линь Юйцянъ, у которой глаза налились кровью, прокричала:

— Юэ Илинъ, запомни: ты у меня не единственный вариант. В Пинчэне полно желающих жениться на мне. Если ты не способен на верность до свадьбы, то после — и подавно. Мы закончили!

Она развернулась и, всхлипывая, выбежала из кабинета. Юэ Илинй попытался её удержать, но получил ещё несколько пощёчин.

Когда она ушла, Юэ Илинй в ярости смахнул со стола все документы. Помощник, который всё это время дрожал за дверью, услышав грохот, замер. Но тут в кабинет ворвался другой человек:

— Господин Юэ, беда! Наш проект по добыче ископаемых в Юньхае заморозили из-за изменения местной политики, а главный менеджер, отвечавший за проект, подал в отставку!

Этот проект был детищем Юэ Илинй, и именно им он хотел доказать свою значимость после вступления в должность. Провал проекта был словно пощёчина. Даже хуже.

— Что происходит? Где Ван Чжэн? С чего это он решил бросить всё?

— Господин Ван сказал, что проект наносит слишком большой вред экологии. Он подавал отчёты, но их игнорировали, и он... он больше не хочет работать...

Юэ Илинй с силой нажал на виски.

— Не хочет? Думаю, он просто нашёл место получше.

Компания платила ему такие деньги, а он решил уйти из-за какой-то ерунды? Думает, он трёхлетний ребёнок, впервые вышедший в мир?

Помощник молчал, не смея подойти.

Но реальность не меняется от чьих-то желаний — она становится лишь беспощаднее. Зазвонил телефон. Помощник дрожащим голосом произнёс:

— Это... это Мо Ханьчжоу.

В глазах Юэ Илинй блеснула злоба. Он поправил пиджак и взял трубку.

— Господин Юэ.

Из трубки донёсся холодный голос, совсем не похожий на тот, что он слышал на аукционе. Это был настоящий Мо Ханьчжоу. Сердце Юэ Илинй ушло в пятки.

— Господин Мо.

— Как поживаете, господин Юэ?

— Благодаря вам, господин Мо, в последнее время у меня всё... просто замечательно, — процедил он сквозь зубы.

На том конце посмеялись, а затем голос снова стал ледяным:

— Юэ Илинй, я не хочу больше обсуждать то, что ты натворил. Ты правда думаешь, что твои дела безупречны и никто ничего не знает? Кто ты такой в Корпорации Юэ? Ты даже кресло председателя не успел занять, а уже пытаешься бросить мне вызов, несмотря на кучу

препятствий. Ты слишком высокого о себе мнения.

Зрачки Юэ Илия расширились, лицо исказилось в гримасе ярости, из горла вырвался шипящий звук. С трудом подавив вспышку гнева, он сжал трубку.

— Мо Ханьчжоу, ты звонишь, чтобы пригрозить мне?

— Можешь думать так. Юэ Илия, если хочешь играть — я поддержу тебя в любой момент. Но сначала разберись со стариками из совета директоров. Как думаешь, что они скажут, когда узнают о твоём скандале и провале проекта? С нетерпением жду.

В коридоре помощники стояли, не смея поднять глаз. Вдруг из закрытого кабинета раздался грохот — словно телефон с силой швырнули об пол, а затем последовал звон падающих предметов.

<http://bllate.org/book/19167/1882009>